

Фрагменты заключительной дискуссии

А. МИРОШНИЧЕНКО

Проблема, которая здесь сегодня обсуждалась – проблема журналистов, которые заработали... В 1996 году я испытывал невыносимые моральные страдания, но связанные не с желанием заработать, и заработать чисто, а с тем, что когда шли губернаторские и президентские выборы, все забыли про то, что пресса независима, перестали любить прессу, и появилось очень много подозрений по поводу ангажированности журналистов... Я испытывал невыносимые моральные страдания и после губернаторских выборов и нашел невыгодное для себя решение: я понял, что, коль скоро меня считают проводником некоей политической позиции, которая стоит за мной и водит моей рукой, то я должен стать сам центром этой политической позиции, и я стал депутатом, и решил таким образом для себя эту проблему, и с тех пор особых страданий не испытываю... Я эту проблему для себя решил. Я могу сегодня зарабатывать политическим анализом, преподаю, пишу книжки, но журналистским трудом я не зарабатываю, слава Богу. Я понимаю, что жизнь, конечно, многообразна... есть разные аспекты жизни, в том числе и "джинса"... Но я сейчас не могу уместить в голове то, что все это обсуждается на уровне научно–практической конференции. Есть такие вещи в человеческой жизни, в которые не вмешиваются, условно говоря, в биологию человека... Обратите внимание: мы сидим в зале с микрофонами и обсуждаем наилучшие формы продажности, понимаете? Это возводится в предмет, который является основанием для обмена опытом. Дело не в том, что это незаконно – это не симпозиум мафии по обходу закона, я даже это не трогаю. Дело в том, что, на мой взгляд, несмотря на то, что эти явления есть, и я готов с ними мириться, но я считаю, что обсуждать это надо не публично. Можно за рюмкой коньяка, в ресторане: "Знаешь, старик...", но обсуждать это в таком формате, как это делается сейчас, я считаю, неприлично...

Мы в своей газете поставили жесткое правило, как развести рекламу, "заказуху" и журналистику. Есть набор критериев, самое главное, что приручает читателей: если приходит человек и приносит заказной материал, мы говорим – "в рекламный отдел". Это жестко помечается "на правах рекламы", специальный значок, и это для всех очевидно... В результате мы пришли к тому, что репутация нам дороже денег.

Б. КОНОВАЛОВ

Я хотел бы похвалить коллегу за очень яркое и эмоциональное выступление, которое задавало тон откровенности нашему разговору. Однако у меня есть вопросы.

Во–первых, легко говорить о независимости, не будучи искушенным, то есть искушаемым. Ну, кому нужно для политического влияния на электорат использовать газету с тиражом в четыре тысячи экземпляров? Да никому! То есть это как в анекдоте про неуловимого Джо: "Почему он неуловимый?" – "Да кому он нужен!".

Во–вторых, я готов поспорить с тезисом, что нельзя гласно обсуждать эти вещи, что это неприлично. Вот с этим я категорически не согласен. Чем дольше мы будем обсуждать эти вещи за рюмкой коньяка, в кулуарах, тем дольше они не будут восприниматься как общая боль, а каждый раз будут рассматриваться как индивидуальные проблемы искушения собственной совести, как некое личное нравственное страдание.

Мы должны выработать такие правила для общества и для себя, чтобы все это держалось не только на нашей нравственности, которая является достаточно хрупким

элементом (хрупким в том смысле, что у человека хрупкая голова), а на элементах гражданского общества и правовой основы. Вот в этом смысле надо об этом говорить. И мне кажется, что начинать все—таки надо с государства, которое в лице своих слуг задает вполне определенные правила игры. То есть нам нужно говорить об этом, чтобы выработать требования к власти. Мы в данном случае похожи на представителей малого бизнеса, у которых до недавнего времени была иллюзия, что каждый может в одиночку обмануть налоговые органы. Эта иллюзия питала малый бизнес много лет, каждый из них пытался обойти закон в одиночку. Но потом, особенно после обвала доллара, они поняли, что невозможно делать бизнес в стране с непредсказуемыми правилами игры. Так вот, пресса, мне кажется, должна заниматься тем же самым, она не должна пытаться обходить ситуацию в одиночку, а должна действительно вырабатывать критерии правил игры и отстаивать их перед властью.

Действительно, ситуация сложилась так, что выборы оказались театром нескольких актеров: с одной стороны – кандидаты, которые занимаются самопрезентацией либо оплачивают материалы друг против друга, с другой стороны – журналисты, которые должны объективно освещать ход событий, то есть, освещать ту череду событий, которые создают сами же кандидаты, их имиджмейкеры. В Новосибирске это явно проявлялось: оплачивались митинги, шествия, а потом пресса объективно и беспристрастно освещает то, что происходит по заранее запланированному сценарию. И с этой точки зрения мне кажется, что по итогам этой нашей конференции мы должны попросить правоведов обобщить все эти предложения и выработать изменения в законах, и, прежде всего – в законе об избирательных правах граждан, в основополагающем законе. Смотрите: общественность, действительно, не может высказать свою точку зрения по этому поводу. Ей нужно обратиться к кандидату, который против другого кандидата, и под маркой того кандидата высказать свое мнение, то есть бегать между кандидатами и искать, кто на кого имеет зуб, чтобы высказать свою точку зрения. Это получается очень глупо. Сама по себе общественность не может ничего высказать, потому что у нее денег просто нет. Мне кажется, что (может быть, это стоит сделать в рамках закона, может, другим способом) общественность должна иметь возможность высказать свою точку зрения за счет государства, за счет бесплатного эфира или печатных площадей, которые предоставляются бесплатно, либо за счет, может, части площадей, оплаченных кандидатами. Пусть, если будет много желающих, устраивается жеребьевка, но в принципе должно быть оставлено некое жизненное пространство, где общественные организации могли бы реализовать право высказать свою точку зрения. А иначе получается, что говорят либо кандидат с кандидатом, либо имиджмейкер с имиджмейкером, либо мы, которые освещают этот процесс, подготовленный имиджмейкером.

Кроме того, мне кажется совершенно ненормальным, когда кандидаты уклоняются от дебатов и делают это на легальной основе. Вообще, как можно разрешать уклоняться от дебатов? Например, и. о. президента не захотел либо посчитал ниже своего достоинства встречаться с другими кандидатами и что—то отвечать на их вопросы, и все! И он имеет полное право на это. Точно так же кандидаты, которые чувствуют себя сильными и не хотят, чтобы в ходе дебатов неудобные вопросы оттянули у них голоса, потому что имидж слеплен, имиджмейкеры работают классно, каждый день на экране, в Чечне все нормально, зачем мне еще слушать неудобные вопросы от других кандидатов и вообще на них отвечать? Условно говоря, не царское это дело – возиться с такой мелочью, вступать в дебаты. Это тоже должно быть изменено в законе: нельзя отказаться от дебатов, чтобы избиратель хотя бы видел, что человек умеет отвечать на всякие вопросы, в том числе и на неудобные, а не только на вопросы имиджмейкеров.

Мне кажется, что все эти несовершенства начинаются с законодательства, и то, что делают электронные СМИ в отсутствие закона о телевидении, – это просто пиратство,

беспредел! Но когда, условно говоря, разбойничают по всей стране, то не стыдно разбойничать где-то у себя в маленьком дворике, на маленьком хуторе. Общество должно требовать от государства, чтобы пресса соблюдала правила игры. Мы встречались с редакторами, рефлексировали между собой на тему выборов, и получается так: кто проявил большую коммерческую хватку и большую степень беспринципности в правилах игры, тот и оказался на коне. Условно говоря, встречаются редакторы, говорят: "Ну что, Вася, ты сколько заработал, бабок сколько срубил за эту кампанию?". Вася говорит, допустим: "Триста тысяч. А ты?" – "А я подсуетился, снизил планку морали на один шаг и заработал пятьсот. А ты, Петя?" – "А я, знаете, все жался, мне мораль не позволяла, и заработал всего сто тысяч". – "Ну и лох же ты, Петя!" – заключают в итоге довольные собой редакторы.

Пока нет общественной оценки, пока нет правил игры, человек, который терпит прямые и реальные убытки оттого, что его нравственность не позволила ему заработать денег, когда все говорят, что выборы – это время зарабатывания денег, чувствует себя полным идиотом. Должна быть либо общественная регуляция, когда Союз журналистов (или Большое жури) должен давать заключение, что "это – непозволительное с точки зрения профессиональной этики действие по освещению кампании", либо должны быть более жесткие законодательные вещи, которые не обойти. А так получается, что тот, кто более честен, тот и выглядит идиотом, как в истории с приватизацией в стране, когда большинству населения было предложено всего две роли в приватизации – либо ты вор, либо дурак. Всего две роли, и обе – не очень благодарные.

В. ГОРБАЧЕВ

Первая задача, которая стоит сейчас, – не потерять систему информирования населения. Скажем, районные газеты, о которых сегодня говорилось, если бы они не поддерживались местными администрациями, они бы закрылись. Но это значит, что эти газеты пляшут под дудку местной администрации. Это, конечно, плохо, но хорошо ли будет, если мы ликвидируем печать районного уровня? Ведь даже в нашей не самой бедной Тюменской области половина населения сейчас не слушает радио, потому что проводного нет, а приемник стоит дорого, телевидение не доходит, популярная газета "Комсомольская правда" приходит в количестве две с половиной тысячи экземпляров. Самое массовое звено прессы – районное. Уничтожьте районки, и люди вообще придут в дикое состояние. Все мы нормальные люди, знаем, что нужно сделать. И в то же время реальная жизнь деформирует наши благие пожелания, и гневаться на это не надо.

В. БАЛДИЦЫН

У меня маленькое, но конкретное предложение – обратиться к законодателю с просьбой дать четкую юридическую формулировку того, что такое политическая агитация, здесь не раз об этом говорилось. Тогда будет четко понятно, где проходит водораздел между агитацией и информированием. Люди будут спокойно говорить в прессе о выборах, журналисты будут спокойно говорить о выборах. То есть мы решим очень важную проблему. Ведь на прошлых выборах политическая агитация определялась как информация, побуждающая голосовать за того или иного кандидата. Мы однажды в суде спокойно доказали, что информация – это информация, а не агитация, выиграли суд, и к этим выборам шли довольно спокойно. И вдруг в законе появилась добавочка: "или информация, которая имеет целью побудить проголосовать". Здесь уже все нарушилось. Получается, что действительно нельзя сказать ни слова. Меня несколько удивил господин Большаков, который, казалось бы, должен был вмешаться в это дело. Нет, он, оказывается, еще дивиденды с этого имеет – не суд, а он вправе решать, наказать кого-то или нет, отправлять определенные протоколы в суд или нет. Он стал выше суда. Мне кажется, что это вообще что-то

совсем выходящее за рамки демократического государства. Меня удивил и господин Федотов, который вместо того, чтобы – он ведь руководитель общественной организации – обратиться в суд с инициативой, чтобы решить этот вопрос, ждет, когда кто-то обратится. Даже если мы сейчас запишем: "Обратиться в суд с такой-то инициативой", кто обратится в суд, я не представляю. Поэтому я бы хотел, чтобы такое предложение звучало, но, честно говоря, я не знаю, кто будет его реализовывать.

Ю. КАЗАКОВ

Если позволите, хотелось бы высказать одну реплику.

Если мы обратимся к законодателю, законодатель нас с вами, ровно как Большаков, отправит к той формулировке, которая уже есть. В том законе было так, а в этом – так; достаточно, больше законодателю не нужно. Ресурс изменения закона у нас с вами в данном случае, давайте считать, на 50% исчерпан. Должны произойти какие-то очень большие накопления прецедентов из профессиональной практики, а еще больше – из общественной практики, чтобы законодатель снова зачесал в затылке.

Давайте пока рассчитывать на два ресурса – на ресурс общественного мнения и на внутривнутрипрофессиональный ресурс. Смотрите, мы с вами сегодня озаботились проблемой саморегулирования. Мы должны разбираться, что это такое, внимательно смотреть, к чему мы пришли. Ведь уже были попытки ввести правила честной игры. В 1995–96 годах появились первые попытки определить, а что такое честная игра для профессионалов во время выборов. Так появились первые попытки создать специальные небольшие конвенции у Национальной ассоциации телерадиовещателей, у НТВ. Сейчас есть продвижение, об одном из них мы с вами сегодня услышали: я имею в виду Хартию журналистов Алтая. Эту линию совершенно очевидно нужно продолжать – пытаться объединиться, пытаться в неких небольших ассоциациях понять, договориться до того, что такое правильное профессиональное поведение на выборах, и как нам помочь друг другу в этом профессионально правильном смысле, то есть не получить убытки на выходе – здесь я хочу развести прагматизм и цинизм, мы сегодня много раз говорили слово "цинизм", а прагматизм – это обеспечение задела на завтра.

Замечательно, что сегодня было выговорено, что честным быть выгодно. Есть такая позиция – честным быть выгодно. Можно сказать мягче: чрезвычайно невыгодно быть нечестным. Если мы это понимаем, то надо смотреть, где технологии обеспечения своего права быть честными, своей возможности быть честными так, чтобы при этом еще иметь совершенно нормальные деньги – я повторяю, совершенно нормальные. Речь идет о том, чтобы как можно скорее понять, а что такое профессионально правильное поведение. К этому надо довольно долго идти. Надо создавать институт саморегулирования – это тоже работа не на три минуты, но на сегодня есть одна очень простая задачка: каждый из вас накопил серьезное представление о тех сложностях профессиональной практики, которые возникли у него или у соседей в ходе этих выборов. Давайте попытаемся для начала собрать эти профессионально тяжелые случаи, когда поражалась профессия, случаи, которые не получили разрешения в ЦИКе или получили, с нашей точки зрения, неверное разрешение. Давайте попросим хороших юристов вместе с сильными профессиональными этиками оценить эти случаи с тем, чтобы потом обсудить с нами все, что они увидели. И давайте потом наше совокупное видение доведем до того же самого ЦИКа, но, пользуясь поддержкой общественного мнения, то есть, давайте, прежде всего, опубликуем.

Каждый раз, когда нас задела, мы должны делать две вещи: во-первых, информировать общественность, во-вторых, делать эти ситуации известными профессиональному сообществу. Так вот, давайте мы эти ресурсы попробуем

объединить – общественный ресурс и профессиональный ресурс. Давайте соберем прецеденты, давайте попробуем понять, что это такое – логика профессионально правильного поведения, попробуем понять, что такое правила честной игры, и давайте, мобилизуем общественность, чтобы вместе с ней – я еще раз повторяю технологию – выходить на тот самый Центризбирком и выходить на того самого законодателя с нашим квалифицированным мнением.

И. ДЗЯЛОШИНСКИЙ

Под занавес мы вышли на главную проблему: будем ли мы реализовывать в России систему профессиональной саморегуляции или будем создавать совершенное законодательство. Я полагаю, что в России система саморегуляции не работает, и не будет работать в течение очень долгого времени – нет запаса гражданской самостоятельности. Поэтому, не снимая вопрос о создании корпоративных кодексов, считаю необходимым активно лоббировать совершенствование информационного законодательства. Но при этом мы должны постоянно помнить о том, что закон не должен приспосабливаться к той искривленной действительности, в которой мы с вами живем.

То же самое можно сказать и по поводу профессиональной этики. Если мы позволим себе сейчас выработать некие правила, которые оправдывают наше поведение в условиях, когда мы выпускаем газеты, которые никто не покупает (не будем сейчас обсуждать – почему), в условиях, когда нас покупают за копейки (не будем сейчас обсуждать – почему), тогда мы узаконим на этическом уровне этот тип жизнедеятельности. Речь сейчас идет об очень узком вопросе – как нам обеспечить наше поведение в рамках новых выборов – губернских, мэрских, наступающих через три–четыре года парламентских и так далее. Что сделать, чтобы население не стало заложником наших собственных представлений? Повторю в связи с этим тезисы, которые мне уже приходилось высказывать.

Первое: мы должны добиваться того, чтобы была решена идея разработки того, что можно назвать информационной доктриной государства. Речь идет не о доктрине информационной безопасности, а о доктрине информационного развития, в которой государство ясно и четко заявило, какова его позиция в сфере взаимоотношений между обществом, государством и масс–медиа. До сих пор все наши попытки добиться прямого и откровенного ответа на вопрос: "Все–таки, как вы видите эти взаимоотношения?" не дали результата.

Второе, что, мне кажется, надо сделать и чего мы должны добиваться как корпорация, как профессиональное сообщество – это ликвидация тех противоречий, которые существуют в информационном законодательстве, и принятие неких законов, которые закрывают дыры, связанные с жизнедеятельностью нашего профессионального сообщества. Например, Алексей Симонов в свое время говорил, что нужен закон о пресс–службах. Нужны и другие нормативные акты, о которых здесь говорил Михаил Александрович Федотов. Кто–то должен это требовать, не ждать, что это сделают, а требовать.

Третье – мы должны раз и навсегда похоронить идею прессы как четвертой власти. Максимум, что может быть позволено прессе – это быть голосом гражданского общества, тех самых граждан, которые имеют право знать, право думать по–своему, право высказываться и право быть услышанными властью и общественностью. А лучше всего, чтобы пресса занимала естественное для нее место объективного информатора, объективного аналитика, объективного модератора и так далее. К сожалению, идея о том, что мы власть, что у нас есть властный ресурс, и мы можем этим ресурсом торговать, укоренилась в некоторых редакторских головах.

И четвертый тезис, который я предлагаю, несмотря на то сомнение, которое начинаю в последнее время испытывать по отношению к так называемым структурам гражданского общества: только союз свободной прессы с демократически ориентированными негосударственными, неполитическими организациями может позволить создать социальную базу, опираясь на которую мы можем вернуть себе некий кредит доверия. Держась за руки можно что-то делать.